

Старший лейтенант А. Кромптон

Айван Кромптон

U-41 против «Баралонга»

▾ PRINCIPUM ▾

МОСКВА
2020

УДК 355/359
ББК 63.3(0)53
К833

Кромптон Айван

U-41 ПРОТИВ «БАРАЛОНГА»

Перевод с немецкого языка *А. Холодняка*

Тимошенко Н.

**ПРОТИВОСТОЯНИЕ СУДОВ-ЛОВУШЕК
И ГЕРМАНСКИХ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Подготовка текста к изданию

Н.И. Тимошенко, Е.А. Середенко, В.Б. Филиппов

Айван Кромптон

К833 U-41 против «Баралонга» / Пер. с нем. Противостояние судов-ловушек и германских подводных лодок в годы Первой мировой войны / Н. Тимошенко. — М.: Принципиум, 2020. — 288 с., с ил. ISBN 978-5-90655-756-8

Суда-ловушки стали уникальным оружием против германских подводных лодок, развернувших неограниченную войну с торговым судоходством союзников в годы Первой мировой войны. О роковой встрече подлодки *U-41* под командованием Отто Херзинга с одним из самых удачливых судов-ловушек «Баралонгом» рассказывает чудом выживший вахтенный офицер А. Кромптон.

По пропагандистским или политическим соображениям реальная эффективность нового противолодочного метода искажалась противоборствующими сторонами. Преувеличенные результаты своей охоты в рапортах британских командиров, а также неизвестная судьба многих подводных лодок, не вернувшихся на свои базы, еще более запутывали ситуацию.

Настоящее издание дополнено историческим очерком Н. Тимошенко, актуализирующим роль судов-ловушек в Мировой войне на основании последних подводных изысканий и опубликованных архивных данных.

Для широкого круга читателей.

УДК 355/359
ББК 63.3(0)53

ISBN 978-5-90655-756-8

© ООО «Принципиум», 2020
© Н. Тимошенко, 2020

Содержание

А. Кромптон

U-41 ПРОТИВ «БАРАЛОНГА»	7
Глава 1. Назначение	9
Глава 2. Разгар работы	41
Глава 3. Гибель	46
Глава 4. На пути в Англию	54
Глава 5. В госпитале	59
Глава 6. Наконец-то!	71
Глава 7. В третьем госпитале — вместо Швейцарии!	94
Глава 8. Обратю в лагерь!	105
Глава 9. В Швейцарию!	112
Глава 10. Снова человек!	118

Н. Тимошенко

Противостояние судов-ловушек и германских подводных лодок в годы Первой мировой войны	123
Начало войны	125
Первые победы англичан при совместных действиях с подводной лодкой	132
U-36 против «Prince Charles»	140
UB-4 против «Inverlyon»	146
Продолжительный бой	151
Первая победа судна-ловушки «Baralong»	162

Вторая победа судна-ловушки «Baralong»	175
«Farnborough» и «Penshurst»	182
Противостояние в Средиземном море	187
Вторая победа «Penshurst» и его дальнейшие действия ...	199
Вторая победа «Farnborough»	207
UC-18 против «Lady Olive»	212
Первая потеря судна-ловушки «цветочного» класса	220
Разгром судов-ловушек	232
Последняя победа судов-ловушек	248
Кэмпбелл на судне-ловушке «Dunraven»	255
1918 год — окончание войны	260
Список использованной литературы	268
Список судов-ловушек, потопленных германскими подводными лодками	270
Список подводных лодок, погибших от судов-ловушек	274
Именной указатель	276
Указатель кораблей, классов кораблей и подводных лодок	279

U-41 ПРОТИВ «БАРАЛОНГА»

Глава 1

Назначение

«7-й флотилии прибыть Гельголанд пополнить запас угля».

Эту телеграмму мы получили в светлый, залитый солнцем августовский день. Мы изменили курс, и несколько часов спустя все одиннадцать кораблей отдали якоря в так называемой миноносной гавани Гельгоlanda.

Каждому нашлось место: или у борта угольщика, или у транспорта с разными материалами, или просто у стенки. Прошло буквально несколько минут, и суда уже окутались тучами черной угольной пыли.

Кто мог сказать, что предстояло нам в одну из ближайших ночей? Надо во что бы то ни стало скорее пополнить запасы, а затем держать ухо востро в ожидании внезапного приказа.

Для тех, кто не занят на угольной погрузке, оставаться на корабле почти невозможно. Внизу, на палубах и в каютах, от жары трудно дышать: все иллюминаторы, все лишние люки задраены наглухо, чтобы сколько-нибудь предохранить внутренность корабля от мелкой и тонкой угольной пыли. Духота еще усиливается тяжелым запахом масла, идущим с нагретым воздухом от машины. Немудрено, что каждый, свободный от работы, с радостью спешит

воспользоваться возможностью сойти на берег, немного размяться.

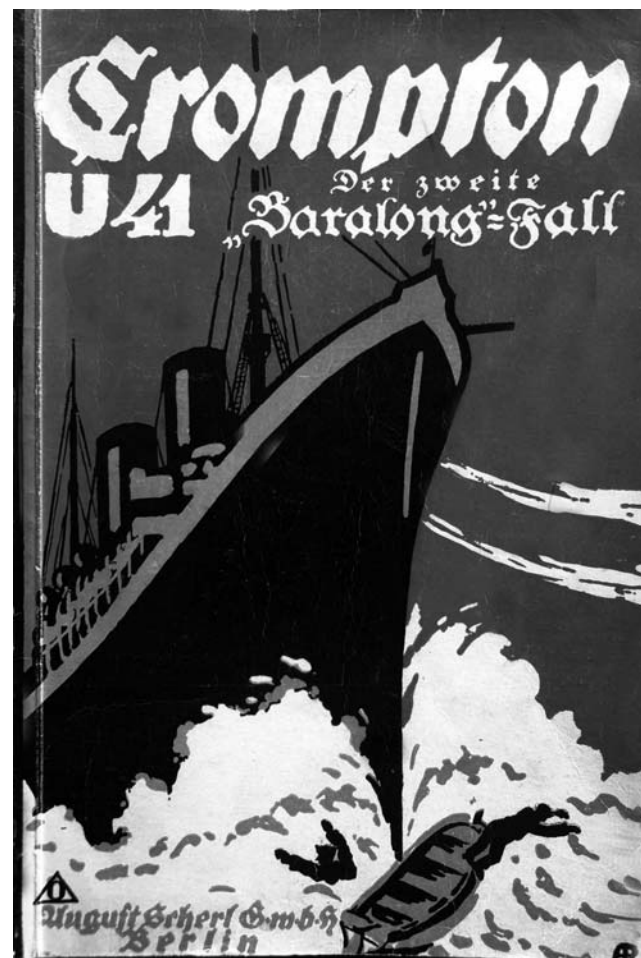
Я как раз оказался свободным. Пройдя через «угольщика» и ряд миноносцев, я вышел на пристань около мастерских и складов. Эти склады обладают, кажется, способностью дать все необходимое любому морскому обитателю: на моем пути вырастают целые горы пакли и ветоши, то и дело рискуешь споткнуться о какие-нибудь деревянные части или особенно хорошо пачкающие принадлежности такелажа.

А ведь после жизни на маленьком корабле, на миноносце, так хочется выбраться на берег чистым! Впрочем, надо сознаться, Гельголанд в военное время едва ли заслуживает заманчивого для моряка после долгого похода, требующего особой щепетильности в одежде, — названия «берег». Кроме своих же, моряков, здесь почти никого и не встретить.

Немного дальше, в той же гавани, расположились подводные лодки. Пойти разве туда? Там я, наверное, встречу двух-трех приятелей, услышу рассказы о последних походах, *боевых* походах... Счастливы! Сколько они уже пережили интересного за это время, сколько успели сделать... А мы на миноносцах? Как непохоже по сравнению с ними сложилась наша «боевая» работа в течение долгого года войны!

Только немногие миноносцы имели счастье схватиться с врагом. А прочим, большинству, предоставлено было... ждать, ждать и ждать. Но сколько же времени?

«Мы готовы к бою, но, видно, противнику все еще не хочется выйти в море», — как часто приходилось слышать

Первое немецкое издание воспоминаний А. Кромптона

эти слова и в кают-компаниях, и в каютах, и на жилых палубах.

И каждый раз, когда миноносцы отправлялись в поход, вспыхивала надежда, вспыхивала и гасла на обратном пути. Оставалось только мечтать — может быть, следующий поход будет удачнее!

Вполне понятно, почему многие, и я в том числе, так стремились на подводные лодки.

Однако до сих пор все мои попытки в этом направлении не увенчались успехом. С завистью смотрел я на подводные лодки, покидавшие гавань, уходившие далеко в море. Сколько раз я видел их возвращение при оглушительных криках «Ура!», доносившихся с больших кораблей... И надежда когда-нибудь самому испытать судьбу под огнем становилась слабее и слабее.

С такими мыслями я пробирался по молу, приближаясь к подлодкам. Издалека уже можно было различить фигуры подводников в их характерных костюмах. На берегу стояла группа офицеров, отличавшихся от команды только фуражкой с золотым галуном. Слышались взрывы веселого смеха, в воздухе таял синеватый дымок из неизменных трубок. На палубах лодок уютно расположились матросы около примусов в ожидании какого-нибудь замечательного произведения своего «маэстро» по камбузной части. На протянутых леерах «отданы для просушки» всевозможные принадлежности туалета: высокие сапоги, носки, койки, вперемешку с разноцветными флагами. Одна из лодок пришла с моря совсем недавно. Все люки открыты, всюду проникают теплые лучи августовского солнца.

Трудно представить себе мое изумление, когда, отделившись от группы офицеров, ко мне подошел командир одной из подлодок, капитан-лейтенант В., со словами:

— Поздравляю, сердечно поздравляю — вы назначены к Ханзену на *U-41*.

Что? Разве это может быть на самом деле? Разве мог я предположить что-нибудь подобное? Наконец, откуда знает о моем назначении В.?

Разумеется, я расспросил его обо всем до мельчайших подробностей. Надежда разгорелась с новой силой. Я сейчас же вернулся на свой *S-24* и привел в уныние бывшего сослуживца, прозванного в шутку «буревестником», сообщив ему о предполагаемом назначении. Мы прослужили вместе два года, успели сжиться, привыкнуть друг к другу, и вполне понятно, что новость, такая радостная для меня, ему не показалась слишком приятной.

На следующий день флотилия перешла в гавань W. При первой возможности я бросился на берег, чтобы скорее разузнать о своей судьбе. Прежде всего я нашел вложенную в двери моей квартиры коротенькую записку.

«Поздравляю с назначением на лодку Эрих». Это был один из моих приятелей, живших в той же квартире. Первый шаг принес радостное известие. Что-то будет дальше?

Ура! На моем письменном столе лежало письмо от капитан-лейтенанта Ханзена.

«Я слышал, что вы охотно пошли бы на подводную лодку. Если желаете, то можете быть назначены ко мне. Жду вашего ответа».

Ни разу в жизни я не спешил так к телефону!

На следующий день, едва я прилег отдохнуть немного после обеда, стукнула дверь.

Письмо от командира *U-41*. Секундой позже я был уже на ногах.

«Все устроено. Остается только получить разрешение командующего вашей флотилией».

Все устроено!

На автомобиле помчался я прежде всего к своему командиру. Что-то он скажет? Застану ли его дома? Как назло, хлынул сильный дождь.

«Быть или не быть? — спрашивал я у самого себя... — Пока — быть!» Командир уже знал о моем заветном желании попасть на подводную лодку и теперь не чинил решительно никаких препятствий. Дело движется! Еще один, последний шаг, — к командующему флотилией!

— Нет дома. Герр капитан вернется только к ужину.

— А вы не знаете, куда поехал командующий?

— Нет.

Прекрасно! Итак, старое, знакомое «ждать»! С половины пятого до половины восьмого. Целых три часа! А может быть, и еще дольше? Однако мне везло в этот день. Уже через полтора часа я смог уведомить своего нового командира об окончательно состоявшемся назначении. Наконец-то!

До выхода приказа я остался на берегу, так как через два дня флотилия уже выходила в море, а мне необходимо было кое-что приготовить для новой службы. Первый раз *S-24* вышел из гавани без меня. Несмотря на исполнившееся желание, грустно было расставаться с людьми, делившими со мной и радость, и горе непрерывно в течение двух

Командир U-41 Ханзен с членами команды

лет. Последние приветствия, последний взмах фуражек — прощай, S-24.

Немного позже я отправился к докам.

— Где стоит U-41? — спросил я встретившегося по дороге офицера.

— Что вам, собственно, надо на U-41? — вместо ответа осведомился он, — там нет никого из офицеров.

— Но я как раз назначен на лодку, я...

— Назначены? Ну, это уж ваше счастье! Так, если вы непреклонно решили добраться туда, я, к сожалению, помочь вам не в состоянии, да и вас предупреждаю — вымажетесь с головы до пяток! Лодка в ремонте, многие части разобраны совершенно. Право, мне кажется, сейчас там для вас и смотреть нечего.

Но я был непреклонен.

Лодка стояла в доке, пробираться к ней надо было с большой осторожностью.

Трах! Мой череп встретился с какой-то совсем негостеприимной балкой! Поневоле сделавшись еще осторожнее, я все-таки добрался до лодки, снял кортик и положил его на рубку. А теперь... в новую жизнь! Медленно, одну за другой, спустил я обе ноги в открытый люк. Внизу послышались голоса. Я понял, что какой-то человек внизу решал вопрос о неизвестном и, видимо, не особенно симпатичном для него «продолжении» чьих-то беспомощно болтавшихся в люке длинных ног. Впрочем, он тут же постарался сделать приветливое лицо, как только я пролез вниз окончательно, пробормотал даже что-то вроде извинения и сунул мне свою «миниатюрную» ручку, раз-

мерами мало отличавшуюся от моей, не скажу, чтобы маленькой, ноги!

Раньше я часто бывал на подводных лодках. Поразительная чистота и порядок, каждая вещь так обдуманно прилажена на своем месте. А здесь? Я сразу погрузился в какой-то невообразимый хаос проводников, стальных пластин, всевозможных мелких частей, среди которых копошились работающие люди. Осторожно (я еще не забыл встречи с балкой) я попытался сделать несколько шагов...

О Господи! Угрозило же меня уродиться с такими длинными ногами: проклятая электрическая лампочка! Ей следовало бы лучше выполнять свое прямое назначение, чем, пользуясь темнотой, заставить меня сразу остановиться и потрогать ушибленную голову! Скорее назад! Стальная планка ударила меня по ноге, невольно я сделал легкое антраша, попал другой ногой в змеей притаившийся провод, раздался легкий треск, и непроницаемая тьма окутала внутренность лодки: в один момент, совершенно против желания, я выключил все освещение! Работы, конечно, временно прекратились, донеслось несколько «любезных» слов по адресу неловкого гостя... Надо выбирать наружу. После целого ряда акробатических упражнений мне удалось наконец найти спасительный люк и вылезти на свет божий.

Увы, новый сюрприз ожидал меня наверху: там и здесь, по всей моей почти с иголочки новенькой тужурке расползлись ярко-красные маслянистые пятна... После долгих усилий я разыскал человека с куском ветоши, смоченной

в терпентине. Только полчаса спустя моя бедная форма была приведена в некоторый порядок и я смог наконец вернуться домой, не возбуждая справедливого удивления прохожих.

Работы оставалось еще недели на три. С утра и до вечера целые дни я проводил в доке, и порой казалось, что не будет конца ни этим работам, ни тысяче приказов, распоряжений, постановлений и узаконений, с которыми мне приходилось знакомиться.

Вечера я проводил, разумеется, в компании «пиратов», внимательно, с интересом слушая рассказы из их жизни.

Прошло четырнадцать дней, и наконец *U-41* вывели из дока. Понемногу все начало приводиться в порядок. Горы отдельных запчастей превращаются в компактные двигатели, тают груды всевозможных принадлежностей, устанавливаемых внутри лодки. Наконец появляются и предметы домашнего обихода, теплое белье, койки, матрасы, за ними к нам подвозят сигнальные флаги, инструменты, карты и... камбузные принадлежности. У меня невольно мелькает мысль: «Как разместится все это в маленькой лодке?!» Я не могу удержаться от вопроса, и оказывается, что предстоит принять еще самое главное — запасы по машинной части, снаряды и провиант. Через несколько дней в недрах словно бездонной лодки исчезают огромные количества машинного масла и пресной воды, за ними следуют снаряды и торпеды. Кажется, теперь все — но нет, около лодки, словно по волшебству, снова вырастают горы ящиков, ящичков и всевозможных коробок. Это консервы. На лице кока на-

писано полное удовлетворение — его часть будет снабжена не хуже других! Но вот и консервы поглотила лодка. Погрузке конец. По словам корабельного инженера, мы имели все необходимое на восемь недель автономного существования.

На следующее утро, идя на лодку, я уже издали услышал шум моторов. Слава богу, дело движется успешно! Три недели, несмотря на усиленную работу, казались мне такими длинными, почти бесконечными!

В один из ближайших дней приведенная в полную готовность лодка отошла от доков, чтобы занять в гавани свое место. Внимательно следил я за управлением незнакомого мне корабля. Совсем не то, что на миноносце, где приходится иной раз с полного хода сразу стопорить машины, менять скорость быстро и резко. Этого нельзя требовать от подводной лодки, машины которой раз в десять слабее машины миноносца даже одинакового с ней тоннажа.

Подводная лодка должна иметь возможность долго держаться в море, пройти большое расстояние, не гоняясь за чрезмерной скоростью. А способны ли наши лодки к большим переходам — стоит только вспомнить о плаваниях в Средиземное море или к берегам Америки.

Немного позже мы стали на бочку для выявления отклонений. Метрах в двадцати от нас прошел большой крейсер. Какой маленькой показалась в сравнении с ним наша лодка, а между тем один удачный выстрел торпедой — и могучий колосс станет жертвой крошечного пирата!

Еще несколько испытаний, последние пробы. Все в полной исправности.

Наконец получен долгожданный приказ: «В 2 часа 30 минут выйти в море».

* * *

Обед закончился пожеланиями здоровья, успеха и благополучной встречи через пять-шесть недель. Распростившись с товарищами, мы поспешили вернуться на лодку. При нашем приближении с борта миноносца, около которого ошвартовалась *U-41*, посыпались в лодку наши матросы, воспользовавшиеся коротким послеобеденным временем, чтобы навестить своих товарищей, «чернорабочих», и рассказать им кое-что из подводных баек.

Ровно в два часа тридцать минут мы подошли к шлюзу. Так как разница уровней была еще очень значительна, командир сопровождавшего нас охранного судна, воспользовавшись свободной минуткой, живо соорудил у себя в каюте кофе с пирожками.

Разумеется, мы не заставили просить себя слишком долго и отлично провели время в уютной каюте старенького миноносца.

— Шлюз открывается, — донеслось сверху, и все бросились по своим местам.

— Послушайте, друг мой, я чуть было не забыл снабдить вас «Справочником». Предлагаю поаккуратнее вычеркивать из него каждый корабль, который вам удастся «застукать». Ловите!

В. размахнулся, и маленькая книжка, брошенная ловкой рукой, очутилась у нас на палубе.

Еще несколько прощальных слов, и миноносец скрылся из виду, обрушив, вероятно на память, целые груды угля, вылетевшие вдруг из сильно задымившей трубы, — прямо нам на голову.

Короткая остановка. Опять дали ход. Как обрадовался я, когда наконец лодка вышла из шлюзов!

— Какая лодка? — спросил заведывающий шлюзами.

— *U-41*.

— Счастливого пути!

Медленно двигаемся мы по течению; впервые для меня смыкаются позади лодки — подводной лодки! — голубые волны Яде. По обе стороны тянутся ровные зеленые берега, с левого борта Вильгельмсхафен весь точно окутался тучами дыма.

Там и здесь виднеются мачты стоящих в гавани судов, дальше высятся гигантские плавучие краны — отличительный признак Вильгельмсхафена.

— Штурман, дайте мне, пожалуйста, карту, — послышался из рубки голос командира.

Ну и карта!

Какой-то, раз десять сложенный, листочек появился вдруг из укромного уголка между переговорной трубой и стенкой рубки. Однако он оказался сложен так, что в любой момент нужная часть пути была перед глазами. На первый взгляд — сплошное коричневое пятно и, только взглядевшись пристальнее, различаешь целый ряд знакомых условных обозначений.

Невольно вспомнился мне мой миноносец, штурманская рубка и прекрасный полированный стол для прокладки. Точно Аргус, берег свои карты штурман, заботился о них как о любимом ребенке. Беда, если кто-нибудь облокотится в разговоре о стол, если чей-нибудь рукав тужурки коснется карты. «Что вас интересует, герр Н.? — сейчас же раздавался ядовитый вопрос. — Я могу указать вам!»

— У меня столом для прокладки служат собственные колени, — улыбнулся штурман, когда я поделился с ним своими воспоминаниями.

Впрочем, мне еще много раз пришлось впоследствии вспомнить о большом корабле, особенно когда в нашей рубке разворачивалась какая-нибудь крупная карта!

— Обе машины — средний вперед!

— На штурвале! Вы видите впереди, справа по носу, недалеко от линейного корабля, черную бочку? Она остается справа.

Поход начался. На верхней палубе шла приборка. Убিরались вниз буксиры, разные концы и швартовы, кое-что накрепко найтовили к палубе. Поставили мачту, и беспроволочный телеграф передал по назначению позывные — нашу «визитную карточку». Понемногу, один за другим, мы собрались на рубке. Хотелось еще раз взглянуть на Вильгельмсхафен, подышать свежим воздухом и выкурить запретную внизу папироску.

Медленно режем мы поверхность реки, проходим мимо одного из наших больших кораблей.

— Сигнальщик! — кричит один из машинистов, тоже выбравшийся наверх, — не зевай, семафор с корабля его величества!

«Штурман желает командиру здоровья, успеха, богатой добычи и счастливого возвращения!»

— Передайте ответ: «Сердечно благодарю».

Семафор слева, с легкого крейсера.

«Старший лейтенант N. — старшему лейтенанту K. — Завидую, желаю всего хорошего!»

Семафор справа, опять с левого борта, еще — теперь уже со всех сторон! Оба сигнальщика не в состоянии успеть передать ответы, вахтенный офицер хватается флажки и бежит к ним на помощь.

Какое удивительное отношение к нам, как каждому встречному кораблю хочется оказать внимание маленькой лодке, бросить ей несколько дружеских слов и сердечных пожеланий! Но вот и все суда остаются позади. Мало-помалу пустеет верхняя палуба, только вахтенные остаются на рубке. Смотреть больше нечего, можно немного вздремнуть, время как раз подходящее, впрочем, настоящий подводник обладает способностью спать (но зато — не забывайте — и бодрствовать!) в любое время дня и ночи.

Впереди показалась флотилия миноносцев, окутанная черной тучей дыма. Несколько мгновений — и она уже близко, пронесется мимо полным ходом, так же быстро, как и появилась. Низко осела корма миноносцев, бесшумно врезается острый форштевень в спокойную воду.

Коротенький семафор, и мы расходимся.

Перед нами открытое море. Буи, бакены, бочки, плавающий маяк и прочие приметные знаки остаются далеко позади. Курс проложен на Гельголанд. Погода прекрасная, кроме прокладки, нечего делать.

— Герр капитан-лейтенант, чай готов, — слышится голос Херцига, высунувшегося до пояса из люка рубки. Прямая его обязанность — телеграф, но сейчас он бездействует, и Херциг исполняет обязанности совсем другого рода. Надо сказать, что он заведует офицерской кают-компанией, служит вестовым у двух офицеров, состоит в качестве «прислуги» одного из орудий, помогает коку в его крошечном камбузе и стоит на концах на палубе, когда лодку берут на буксир или надо швартоваться!

Словом, у него всегда и во всякое время целый ворох работы. Управился в кают-компанию — беги на помощь уже нервничающему коку. Только покончил с камбузом, оказывается, требуется помощь уже кому-нибудь из офицеров, который «никак не может разыскать свою записную книжку», благо она мирно покоится у владельца в кармане! Уф, кажется, все — можно вздохнуть немного. Не тут-то было:

— Переодеться в штормовую форму и ожидать в центральном посту!

— Но... я... мне нужно готовить завтрак! — пробует иной раз протестовать Херциг.

— Вы слышали приказ?

— Так точно...

— Следовательно!..

Мокрый, похожий на выкупавшегося пуделя, спускается он вниз.

— Что же, опять не готов завтрак! Ведь это свинство, в самом деле!

— Да... но...

— Меня совсем не интересуют ваши «но»! Завтрак должен быть подан вовремя.

Это только маленькая, далеко не охватывающая всего, картинка из жизни старшего радиотелеграфного унтер-офицера Херцига, никогда не терявшего, несмотря на массу самых разнородных обязанностей, отличного расположения духа и способного в любой момент поставить рекорд по приему и отправлению радиограммы.

— Дайте мне знать, когда откроется Гельголанд, — сказал командир и исчез в рубке.

Равномерно, «чисто» работают моторы. Открываются очертания Гельголанда. На вест от нас высоко в небе точно замерли два цеппелина.

Да, вот если бы англичане могли в этом смысле соперничать с нами! Ведь, несмотря ни на что, «глаза нашего флота» неизменно несут свою службу, а между тем ни один немец не видел еще хотя бы одного английского дирижабля, да что немец — и никто из англичан, разумеется!

При входе в гавань над лодкой пронесся аэроплан. «Глаза порта», — сказали бы англичане.

С рассвета поднимаются гидросамолеты с поверхности воды, чтобы обыскать каждый кусочек моря.

Трудно приходится тем, кто хочет незамеченным пробраться в наши воды.

Мы идем мимо флотилии миноносцев, неподвижно стоящих борт о борт. Ни облачка не вырывается из дымовых труб, а между тем они совсем готовы к «прыжку». Пройдет каких-нибудь десять минут после сигнала — и нет ни одного миноносца в гавани, они уже там, в открытом море, скрываются на горизонте.

Следующие дни прошли в последних приготовлениях к походу. По вечерам мы собирались на нашей «матке»,

старом корабле времени зарождения германского флота. Кажется, все удобства были предусмотрены на нем точно нарочно, чтобы мы не засиживались в своих «стальных сигарах»! Прекрасная кают-компания, отдельные каюты, наконец, ванны, что так ценно для подводника с его особенной службой. За «полным» столом мы обменивались последними новостями, спорили до хрипоты в горле о политике, причем, конечно, каждому из нас казалось, что только он и никто другой способен решать мировые вопросы. Наши товарищи с миноносцев и летчики частенько «подгребали» к вечернему чаю, начинал работать граммофон с какой-нибудь из подлодок, до тех пор, пока в дверях не появлялась фигура в белом одеянии, заявлявшая безапелляционно, что «каждый человек имеет право ночью спать спокойно!». Обыкновенно это случалось, как назло, в тот самый момент, когда так много еще оставалось рассказать интересного!

Каждый день, за завтраком, мы задавали друг другу один и тот же неизменный вопрос:

— Не получено еще предписание о выходе в море?

Наконец, однажды утром вестовой постучался ко мне в каюту и радостно доложил:

— Герр старший лейтенант, сегодня в четыре часа пополудни приказано выйти в море!

Дождались!

Когда я пришел на лодку, один из унтер-офицеров спросил, как обстоит дело с жалованьем.

Ах, черт возьми! Ведь по-настоящему еще вчера я должен был выдать деньги. Хорошо, если их успели переслать сюда из Вильгельмсхафена. На всякий случай я побежал

с одним из матросов на почту, запасшись предварительно удостоверением личности — я ведь ничем почти, исключая фуражки, не отличался по наружному виду от моего спутника.

Нам удалось получить деньги, успеть вовремя вернуться на корабль и раздать жалованье. Все это пришлось проделать с быстротой необыкновенной, так как времени до ухода оставалось немного, а некоторые почтенные отцы семейства должны были еще успеть послать домой кое-какую «монету»!

Неожиданно в гавань вошла «моя» флотилия миноносцев. Я ухитрился повидать кое-кого из старых боевых друзей, и, едва возвратился на лодку, раздались команды:

— Со швартовов сниматься!

— Отдать концы!

— Правая машина — малый назад!

С соседней небольшой лодки троекратно прокричали «Ура!», и мы медленно вышли из гавани, минуя мою «родную» флотилию. На флагманском миноносце взвился сигнал: «Счастливого пути и радостного возвращения!»

Мы не остаемся в долгу и тотчас же поднимаем «ясно вижу» на... временно освобожденной от своих обязанностей палке от половой щетки! Последним пожал мне руку старый приятель и соратник — «буревестник», правда, не в буквальном смысле, а по радиотелеграфу..

Мы уже выходили из-за мола, как вдруг налетел сильный шквал с дождем, и так неожиданно, что мы, конечно, не успели спрятаться под защиту дождевиков. Что же делать! Чтобы немного смягчить неприятную шутку по-

годы, командир вытащил из кармана тужурки три яблока и братски разделил их между мной и старшим лейтенантом Шнейдером, нашим вторым офицером. Мы закусили за благополучный поход!

Проделав несколько маневров, мы легли на северный курс. Начинаясь настоящий морской поход! В широте Амрума скрылся из вида Гельголанд. Когда-то мы его увидим снова?

После ужина я вступил на вахту. Как радостно почувствовал я себя, первый раз в жизни стоя на вахте на рубке подводной лодки, зная, что с каждым часом, каждой минутой противник становится ближе и ближе. Теперь уже не приходится, как бывало раньше, ждать и ждать, когда неприятель соблаговолит выйти в море, не нужно надеяться только на счастливую случайность! Мы встретимся во что бы то ни стало!

Я так размечтался, что совершенно не замечал времени. Полночь, а мне все еще не хочется уходить с верхней палубы, и только в два часа ночи, когда наверх поднялся командир, я спустился в каюту и лег. Мы проходили плавающий маяк...

Прямо надо мной висела койка старшего лейтенанта Шнейдера.

На правом борту спал механик. Нужно было обладать особенной ловкостью, чтобы добраться невредимым до его ложа, — слишком уж близко от него поместилась лоснившаяся, обильно смазанная торпеда!

В носовом помещении «подвесился», тоже в трогательной близости к двум минам, наш «мальчик», лейте-

нант Брюммер, самый младший из офицеров. Он выбрал себе на редкость уютное местечко: справа, сантиметров на десять от койки, и в таком же примерно расстоянии слева — на торпеде! Достаточно было незначительной качки — и Брюммер мог уже убедиться на самом себе, что его крепкие «соседи» все еще здесь, рядом с ним. Кроме того, и забраться к нему в койку — тоже не самая простая задача.

Первая попытка, когда Брюммер рискнул залезть в койку совершенно самостоятельно, попробовав проскользнуть между миной и койкой, — окончилась довольно грустно: сам он выпачкался в масле об одну торпеду и вымазал всю койку о другую.

Сообща мы выработали способ укладывания «мальчика», достаточно безопасный и для него, и для койки. Мы отдавали кормовой шкентрос, стравливали койку на такую высоту, что Брюммер мог свободно в нее забраться, а затем, по команде выбирали конец, улучив на качке удобный момент, и койка вместе со своим содержимым оказывалась на месте! Зато уж «мальчик» должен был болтаться между своими милыми соседями до тех пор, пока не проделывалась та же церемония, только в обратном порядке.

К утру на рассвете погода испортилась.

Я проснулся от ударов волн о рули глубины и вышел наверх. Шел дождь, холодные брызги долетали до рубки.

Едва я успел сойти вниз за штормовой одеждой, как по лодке пронеслось: «Погружение!»

Я никогда не мог предполагать, что из состояния глубокого покоя, который до этого момента царил внутри лодки, так быстро, буквально за какую-нибудь четверть

минуты, люди способны перейти к кипучей деятельности. В один момент опустели койки, все разбежались на свои места по тревоге, и почти тотчас же раздались из всех отделений лодки доклады о полной готовности. Бензиновые двигатели застопорены, послышалось жужжание электрических моторов.

Настала мертвая тишина, нарушаемая только работой машин, и в этой тишине каждый напряженно и внимательно ждал следующей команды.

— Глубина 20 метров!

— Заполнять цистерны!

Лодка садится носом и медленно уходит под воду.

Последний воздух из цистерн с шипением вылетает наружу, в лодке опять тихо, только из рубки доносятся спокойные звуки голосов командира и штурмана.

— На румбе?

— Так точно, герр капитан-лейтенант!

— Курс 267 градусов, — передает штурман рулевому.

— Ну как? Выясняется что-нибудь определенное?

— Пока нет еще, но как будто, насколько можно судить издали и сквозь сетку дождя, он похож на миноносец. Идет прямо на нас!

— Глубина... метров!

Команда повторяется внизу у рулей глубины, перископ выходит из воды. По переговорным трубам передаются команды во все уголки нашей лодки. Напряжение растет с каждой минутой.

— Немного уменьшить глубину!

Волны перекачиваются через перископ, слепят лодку.

Кажется, это простой «купец»! Тихо работают моторы. Поднимаем второй перископ.

Командир и штурман следят за незнакомцем. Проходит несколько минут, и в голосах их вдруг слышатся шутливые нотки.

— Сколько пушек вы насчитали на нем, штурман???

— К сожалению... ни одной, герр капитан-лейтенант.

По-видимому, это датчанин, судя по цветам...

— Совершенно верно... на этот раз! Да вот и флаг поднят на гафеле. Через полчаса можно всплывать.

— Глубина 20 метров! Ложимся на прежний курс!

Досадно! Тревога оказалась напрасной; ну да еще впереди встретим что-нибудь получше!

Когда мы снова поднялись на поверхность, погода стала еще хуже, волны так и хлестали через лодку, без штормовой одежды оставаться на рубке было немислимо.

Внизу, в кают-компании, Херциг приготовил завтрак. На маленьком складном столике, в отделениях крепко приделанной к нему деревянной решетки, разместились всевозможные закуски.

В одном — подпрыгивала круглая коробочка с «пумперникелем», рядом ползал по тарелке судочек с консервами, ломтиками хлеба и прочими необходимыми принадлежностями завтрака. И только торпеда, ухитрившаяся таки подвеситься над самым столом, мешала вполне спокойно отдать дань вкусным изделиям кока: с отвратительным равнодушием она время от времени приправляла нашу еду крупной жирной каплей масла, стекавшего по ее лоснившемуся телу. Вытирать было бесполезно, заботли-

вый «папаша»-торпедист слишком хорошо предохранил нежную шкурку своего детища, не жалея смазки.

— Что вы делали наверху? Я давно поджидаю вас. Разве Херциг не докладывал о завтраке?

Сосед по кают-компанин поместился около стола на шатком складном стуле и, с чайником в одной руке и молочником в другой, прилагал невероятные усилия, чтобы удержать равновесие.

Я уже собрался принести извинения, но в этот момент появился вестовой и заботливо осведомился:

— Герр старший лейтенант! Яйца всмятку или глазунью? Герр механик всегда требует глазунью. — Это значило, что и мне не следовало уклоняться от яичницы. Отлично!

— Глазунью!

Вестовой, лавируя между нами и столом, отправился в камбуз, командуя на ходу: «Две яичницы!»

— Ну-ка, чем сегодня кормят? — С этими словами в кают-компанию вошел командир.

Послышалось сопение, несколько тяжелых вздохов, и с верхней койки пожаловал к завтраку Юлиус Шнейдер. Немного не рассчитав, он вместо стула сел прямо в тарелку с хлебом, но, по правде сказать, не выказал при этом никакого смущения, хладнокровно переменив место. Растрепанный, в фуфайке из верблюжьей шерсти, он молча, но энергично принялся за еду и через несколько минут снова вознесся в койку; легкий храп возвестил, что Шнейдер заснул! Впрочем, «спи пока можно» было его девизом и он следовал ему неукоснительно.

Часов около двенадцати вахтенный начальник заметил дымок. Мы все еще шли над водой, желая сохранить скорость.

— К погружению!

Показался норвежский пароход, идущий, судя по его курсу, из Англии. Лодка снова поднялась на поверхность. Взвился сигнал «Остановиться!». Из трубы парохода вырвалось белое облачко, он травил пар — лучший признак того, что сигнал наш разобран.

— Прислать бумаги!

Одно из наших орудий приготовилось к действию, и *U-41* начала малым ходом описывать круги около парохода. Норвежец быстро спустил шлюпку, с трудом подошедшую к нам, едва выгребая против волн. На руле был старший офицер.

— К сожалению, никакой контрабанды! — сказал командир, внимательно прочитав представленные документы вместе с нашим старшим матросом Моллем, служившим до войны вторым помощником на пароходе «Г.А. линии»¹ и хорошо знакомым со всеми законами о контрабандных грузах. — Придется отпустить и этот пароход с миром!

Точно в знак признательности за свое освобождение, норвежец отсалютовал флагом и дал ход, ложась на старый курс.

Немного позже мы заметили еще один пароход. Но он, видимо, успел вовремя разглядеть «пирата», повернул

¹ Пароходные линии Гамбург—Америка. — *Прим. ред.*

и, разлив полный ход, скрылся на горизонте. Пожалуй, он был по-своему прав, не особенно желая встречаться с нами!

Тем временем погода делалась все хуже и хуже, удержаться на ногах становилось все труднее, а между тем необходимо было прийти в район наших действий к назначенному сроку.

На следующий день засвежело так, что вахтенным, несмотря ни на какие дождевики и прочие непромокаемые костюмы, пришлось спуститься в рубку. Огромные волны перекатывались через лодку, приходилось захлопывать люк и ждать удобной минуты, чтобы снова высунуться наружу.

Ночью мы встретили океанский пароход, по-видимому, опять норвежский, американских линий.

Издали это выглядело как сплошное светлое пятно, ярко выделявшееся в темноте ночи, и, только когда он подошел ближе, можно было при помощи нескольких, не пострадавших еще от воды биноклей установить его национальность.

Шел он, несомненно, из Киркуолла, гавани, куда англичане, «заботясь об интересах маленьких стран», отводят для осмотра все норвежские, шведские и датские пароходы, возвращающиеся из Америки.

К утру показали далекие, чуть заметные очертания берега. Земля! Несмотря на отвратительную погоду, несмотря на качку, когда мы рисковали обратиться в бифштекс, несмотря на все неприятности трехдневного перехода на маленьком корабле, тесноту, духоту и т.п., — мы все-таки прибыли туда, куда нам было нужно.

В полдень мы изменили курс, вступили за линию блокады. Яснее обрисовывался крутой берег пустынного на вид острова. Зыбь стала меньше, и снова на рубке закипела жизнь. Следы последнего дня, когда волны с особенной силой обрушивались на лодку, виднелись почти по всей палубе. Кое-где отстали листы обшивки, пришлось вооружиться молотками и водворить их на место, не обращая внимания на холодный душ — последние усилия стихавшей волны.

— Дымок, прямо по курсу!

А вот и еще один... два... наконец — пять!

— По местам — к погружению! Прислуге орудий переодеться в штормовое!

В темном облачке дыма можно разобрать уже мачты. Курс прямо на нас. Мы решили сначала держаться на поверхности, предполагая, что лодка мало заметна на фоне скалистого берега, тем более что пять неизвестных судов могли быть простыми рыбаками. А может быть, это разведывательные корабли? Рыбакам, конечно, нет дела до нас, но зато разведчикам... Впрочем, нырнуть мы еще успеем.

Тем временем неожиданно из-за берега показался шестой! Идет тоже прямо на нас, на мачте развеваются какие-то два флага. Подозрительно! Надо погружаться, совсем нехорошо, если этот шестой успел-таки нас заприметить.

Под водой мы резко изменили курс и дали полный ход, чтобы уйти от неприятной шестерки.

Почти час спустя мы поставили перископ: командир хотел убедиться, чист ли горизонт.

Черт возьми! Пять судов неизменно следовали за нами, и совсем на небольшом расстоянии! Одно из них подняло

огромный флаг, по обе стороны от него шли остальные, а несколько дальше дымил наш шестой приятель. Ясно, что они заметили нас и, видимо, готовы «конвоировать», держась нам в кильватер. Веселенький конвой!

Чтобы сбить их с толку, мы меняем курсы самым неожиданным образом, бросаемся из стороны в сторону, описываем петли, круги... Все напрасно: как свора хороших гончих, они по-прежнему у нас за спиной. Нас выдал, вероятно, масляный след на поверхности воды. Оставалось только погрузиться снова, надеясь на сгустившиеся сумерки.

Приближалась самая северная оконечность группы островов. Надо торопиться, чтобы ночью пройти эти места. Настала темная, непроглядная ночь. Улучив удобный момент, мы быстро легли на новый курс и проскользнули незамеченными благодаря снова засвежевшему ветру и крупной волне Атлантического океана между двумя преследователями!

* * *

Сегодня воскресенье. Следует немного привести свою особу в порядок, побриться и хорошенько почиститься. Стоя перед крошечным умывальником, я намылил себе физиономию и собрался уже приступить к дальнейшему, но как раз в этот момент послышался такой громкий смех командира, спустившегося в кают-компанию, что даже милейший Юлиус Шнейдер и тот проснулся!

— Пожалуй, вы еще крахмальную рубашку наденете? — продолжал заливать командир, — было бы очень кстати, блюстителъ вы чистоты и порядка эдакий!

«Ну и не надо!» — подумал я, вытер лицо и как был, небритый, уселся завтракать.

За обедом нас ждал необыкновенный сюрприз: настоящее жаркое под сладким соусом! Оказывается, предусмотрительный кок захватил его еще перед нашим уходом и каким-то неведомым способом ухитрился сохранить в укромном уголке носового отсека между торпедами. Правда, перед обедом я видел таинственные приготовления, заглянул даже в судочек, который кок с видом заговорщика тащил в свое святилище, но, кроме масла, ничего не заметил. И только когда из камбуза понесся замечательный аромат поджаривающегося мяса, я начал подозревать, что сегодня дело обойдется без участия консервов. Вообще день выдался чрезвычайно спокойный и наш коротенький послеобеденный сон ничем не был нарушен.

Оба следующих дня прошли так же спокойно. Погода стала значительно лучше, море стихало, появилась возможность заняться нашими пушками, успевшими за это время познакомиться с ржавчиной. Давно уже я так не смеялся, как в этот день. Еще бы: прошло несколько минут после приказа чистить орудия, и вдруг из люка рубки показалась фигура с тряпками и коробочкой вазелина, одетая в *смокин!* Я так и замер на месте, а оригинальный вояка, в высоких сапогах и кожаных брюках, невозмутимо засучив рукава своего не очень ловко сидевшего смокинга, нахлобучил покрепче кепку, совсем уж не флотского образца, и, стоя по колени в воде, принялся за работу! Удивительная мысль использовать часть своего костюма по прежней службе в качестве официанта на каком-нибудь

пароходе — в роли рабочей одежды. Зато теперь мы все твердо знали, чем занимался наш подводник в мирное время, не заглядывая в его формуляр!

В один из следующих дней, за чаем, командир объявил, что теперь уже он, в свою очередь, решил побриться.

— По-моему, завтра мы непременно попадем в дело, — сказал он, смеясь, — надо же принять благообразный вид для встречи господ капитанов!

Но не успел он приступить к своему намерению, как послышался доклад сверху:

— Дым с правого борта. Изменил курс, держу на него.

— Увы! — вздохнул командир. — Ничего не поделаешь, надо было подумать раньше, — и с этими словами он исчез в рубке.

— К погружению — по местам! Обе машины — полный вперед!

Рули глубины врезаются в воду, лодка послушно погружается, скоро станет совсем темно, и тогда жирный кусочек — низкосидящий, большой «купец» ускользнет от нас в темноте.

На перископе поднят сигнал «Остановиться», но пароход продолжает идти тем же курсом. Не видит он нас или... не хочет видеть? К сожалению, из-за свежей погоды немислимо послать людей к орудиям.

— Только бы подойти ближе, а тогда ему уже не удастся скрыться, — говорит командир, возвышая голос почти до крика, заглушаемого свистом ветра и шумом волн. Я стою позади него и прилагаю все усилия, чтобы сохранить сухим мой бинокль, кажется, единственный оставшийся неподмоченным. Я ловлю момент и врываюсь

«вооруженным» взглядом в пароход, потом, заметив предательскую волну, быстро прячу драгоценный бинокль под дождевик.

Что это? Позади парохода как будто мелькнули три слишком характерных, коротких трубы...

— Миноносец за пароходом!

И в этот момент уже звучит команда:

— Погружение! Неприятельский миноносец!

Я прыгаю в рубку последним и успеваю еще заметить англичанина, идущего полным ходом прямо на нас. Спасибо волне: он, так же как и мы, не может использовать на качке свои орудия.

U-41 быстро идет на глубину. Успеет ли он поймать нас... осталось каких-нибудь несколько минут... Спокойно ползет стрелка указателя глубины. 7.., 8.., 9.., 10.., 11.., 12 метров. Кажется, пронесло!

— На 20 метров! — слышится приказ.

Отбой! У всех нас повышенное настроение, опять удача, еще раз нам улыбнулось счастье. Мы верим в нашего командира, верим в нашу *U-41*, верим в самих себя. Да и действительно, от малейшей ошибки одного из нас, на секунду переставшего владеть собой, своими нервами, — гибель грозит всей лодке!

Неунывающий Херциг порылся в «винном погребе» и торжественно поставил на столик в кают-компании бутылку шампанского. Зазвенели бокалы, раздались звуки граммофона «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес!»¹.

¹ Эту песню можно прослушать на сайте издательства «Принципиум» — principium.su.

А наверху нас ищет подбрасываемый волнами английский миноносец. Нет, брат, — «пираты» оказались проворнее, чем ты думал!

На следующую ночь по вахте мне передали приказ: «Если погода станет к утру лучше, можно ожидать новой встречи». Вечерний случай указывает на то, что мы очень близки к месту охоты.

Сменившись, я, не раздеваясь, лег в койку, невольно перебирая в памяти все случившееся за истекшие сутки.

Глава 2

Разгар работы

Следующий день принес нам много работы.

Уже при первых лучах рассвета два дымка показались на горизонте. К сожалению, оба успели скрыться прежде, чем нам удалось познакомиться с ними поближе. Часов около девяти вдали обрисовались очертания парохода, идущего приблизительно одним с нами курсом. Скоро уже можно было различить поставленные виндзейли, мостики, рубки, надстройки. В погруженном состоянии нам удалось подойти незамеченными. Недурно! Почти вся палуба парохода была занята тесными стойлами, из которых выглядывали лошадиные морды. Вот уж не повезло несчастным животным!

Итак, мы имеем дело с английским транспортом, приспособленным для перевозки лошадей, шедшим, по всей вероятности, из Канады, надеясь доставить свой живой груз на театр войны.

Мы дали ему пройти мимо, поднялись на поверхность и, сделав выстрел, показали сигнал «Немедленно покинуть судно!».

Сигнал был понят очень скоро, с обоих бортов начали спускать шлюпки. На палубе поднялась суматоха, каждый старался, уходя с парохода, захватить с собой как можно